

Ф-74

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА И ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи
УДК 958.1+297(531)

ФОГЕЛЬЗАНГ Тибор

ФАКИРУЛЛА ДЖАЛАЛАБАДИ И АФГАНСКИЙ СУФИЗМ В XVIII в.

Специальность 07.00.03 — Всеобщая история

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Ленинград — 1990

Работа выполнена на кафедре истории стран Ближнего Востока
восточного факультета Ленинградского ордена Ленина и ордена
Трудового Красного Знамени государственного университета

Научный руководитель – доктор исторических наук,

профессор А.Д.Желтяков

Официальные оппоненты – доктор исторических наук

Б.М.Пиотровский

кандидат исторических наук

М.А.Родионов

Ведущее учреждение – Государственный музей истории религии
и атеизма

Защита диссертации состоится "24" июня 1990 г. в
часов на заседании специализированного совета Д 063.57.38 по
защите диссертаций на соискание ученой степени доктора истори-
ческих наук при Ленинградском ордена Ленина и ордена Трудового
Красного Знамени государственном университете /199034, Ленин-
град, Университетская наб., 7/9/

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке
им.М.Горького при Ленинградском государственном университете.
/199034, Ленинград, Университетская наб., 7/9 /

Автореферат разослан "15" июня 1990 г.

Ученый секретарь специализированного
совета, кандидат филологических наук

Г.В.Рачков

1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертация посвящена афганскому суфийскому шейху XVIII в.,
Шайху Факираллаху б. Абдаррахману ал-Ханафи ар-Рутаси ал-
Джалалабоди сумма аш-Шибирпурси, или коротко Факирулле /ум. в
1195/1781 г./. На основе анализа работ самого суфия, а также
научных публикаций современных афганских исследователей о нем,
впервые предпринята попытка воссоздать исторический портрет
Факируллы – представителя афганского суфизма XVIII в. Сопостав-
ляя доступную информацию об этом мусульманском мистике с бо-
лее ранними материалами и сведениями по истории братства накш-
бандийа, рассматривается степень принадлежности Факируллы к
названному суфийскому объединению, прослеживается его роль
как продолжателя традиции братства и приводится материал по
конкретным аспектам наследия накшбандийа, содержащийся в сочи-
нениях Факируллы.

Актуальность работы определяется необходимостью более
широкого исследования проблем мусульманской религии и, в част-
ности, конкретных форм ее мистического проявления /суфизма/ в
афганском и соседних ему регионах. Как в советской, так и в
зарубежной историографии изучение ислама в Афганистане до сих
пор находится на начальном этапе. Факирулле уделяют большое
внимание лишь с 80-х годов нашего столетия пока только в Аф-
ганистане, где в большинстве случаев его стали оценивать как
выдающегося религиозного мыслителя. Несомненно и за пределами
этой страны должен возникнуть интерес к этому религиозному де-
ятелю. Это касается не только афганистов, заинтересованных в
любой новой информации по истории религии Афганистана /ведь
известно, что Афганистан для европейцев вплоть до 50-х гг.
XX в. был в значительной степени "terra incognita"/, но и
специалистов, занимающихся мусульманским мистицизмом, вообще:
Афгано-индийский регион как одна из периферийных областей
ислама и, вместе с тем, созданные здесь произведения мусуль-
манских авторов на местных языках /пашто, урду, синдхи и т.д./
по сей день тоже в очень незначительной степени были объектом
научного анализа ориенталистов.

К сказанному следует добавить, что глубокие перемены,
происходящие в последние годы в общественной жизни Афганиста-
на, породили потребность в овладении более глубокими и кон-
кретными знаниями о специфике ислама в данной стране. Это

касается и социально-политической активности ныне существующих в Афганистане суфийских братств /накшбандийа, кадирийа, чистийа/, выявления сложившихся в братствах в течение веков механизмов их включения во "внешнюю" для мистиков сферу жизни /мирские дела/, в том числе и в неоднозначный и сложный процесс современной политической борьбы в названном регионе.

Цель работы — ознакомить востоковедов-афганистов и исламоведов с жизнью и творчеством Факируллы. Задачи диссертации заключаются: 1. в рассмотрении исторического контекста деятельности Факируллы, места и структуры различных духовных лиц в афганском государстве XVIII в.; 2. в анализе имеющихся данных о жизни и творчестве Факируллы и критическом осмыслении приведенных современными афганскими исследователями сведений и оценок; 3. в освещении социальной активности Факируллы как суфийского авторитета, популяризатора общемусульманской традиции, а также советника при политических и религиозных лидерах его времени; 4. в выявлении места Факируллы в рамках мусульманского мистицизма и 5. в представлении материалов суфийской практики, изложенных суфием на примере братства накшбандийа.

Научная новизна работы определяется включением в научный оборот нового, неизученного как афганистами, так и исламоведом материала по афганскому суфизму и рассмотрением роли суфийских братств, в первую очередь, накшбандийа. Особое внимание уделено описанию поведенческих установок данного тариката.

В данной работе суфизм рассматривается прежде всего как социально-историческое явление. В определенной степени освещается также малоизвестная специфика суфизма на одном из его поздних этапов существования и некоторые изменения, которые мусульманский мистицизм претерпел в своем развитии. На основе исследования текстов Факируллы на языках дари и пашто даются переводы и толкования ряда терминов, важных для осмысления понятийной системы суфизма.

Методологической основой проведенного исследования послужил разработанный марксистской наукой исторический метод анализа источников, позволяющий рассматривать жизнь и творчество того или иного автора как закономерный итог, обусловленный конкретно-историческими условиями, в которых формулировались

его взгляды и убеждения.

Методика исследования заключается в извлечении из обследованных текстов Факируллы, а также из сочинений афганских ученых данных о его жизни и творчестве и попытке критического сведения этой зачастую фрагментарной информации в некоторую систему. При этом диссертант стремился избежать преждевременных категорических оценок, имея в виду как общую неисследованность вопроса, так и то обстоятельство, что значительная часть наследия Факируллы (сочинения на арабском языке) еще предстоит рассмотреть в будущем.

Практическое значение работы заключается в том, что приведенные в диссертации сведения о личности Факируллы и тарикате накшбандийа могут быть использованы при составлении курсов лекций по истории мусульманского мистицизма и исламу в Афганистане, а также при написании энциклопедий и справочников. Помимо этого она может служить пособием при чтении суфийских текстов.

Апробация работы. Диссертация была обсуждена на заседании кафедры истории стран Ближнего Востока ЛГУ, отдельные материалы работы подготовлены для публикации статьи в сборнике "Афганистан. Страна и народ" (в печати).

Структура исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка цитированной литературы и приложения.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновываются выбор, актуальность и новизна темы, а также подход к ее изучению. Определяется структура и практическое значение диссертации.

Время жизни Факируллы приходится на переломный период в истории народов, обитавших как на территории современного Афганистана, так и в примыкающих к нему областях. Поскольку изучение и анализ социально-экономического и культурного уровня, на котором находилось чрезвычайно разнородное афганское общество в то время, выходит за рамки темы данной диссертации, в первой главе "Исторический фон жизни и деятельности Факируллы (Краткий обзор)" вкратце излагаются те факты, которые дают необходимый минимум исторических знаний для понимания жизни и деятельности Факируллы как духовного авторитета.

Важнейшим историческим событием при жизни суфия стало обра-

зование в 1747 г. империи Дуррани - первого централизованного государства афганцев. Весной 1761 г., когда основатель державы Ахмад-шах Дуррани находился в зените своего могущества, территория его государства превышала 2 млн. кв. км. Оно впервые в истории афганцев обхватило все земли, населенные папуническими племенами, а также включила в себя соседние области северо-западной Индии, восточного Ирана и южного Туркестана. Созданная держава, с одной стороны, открыла новые возможности накопления богатства в первую очередь вождям афганских племен, а также ряду высших и средних духовных лиц как представителей ислама, важного консолидирующего фактора в стране. С другой стороны, подобное гетерогенное и обширное государство постоянно таило в себе опасность распада, и чтобы сохранить относительное единство, оно вынуждено было предоставлять определенную степень автономии различным местным правителям и религиозным авторитетам. Духовное влияние последних, в частности суфийских лидеров, представляло собой социально-политический потенциал, с которым правители в центре и на местах во многих областях мусульманского мира должны были считаться. В качестве примера в диссертации указывается на то, что на джирге, посвященной избранию первого шаха Афганистана, именно авторитетному суфию Сабир-шаху удалось добиться общего согласия на выбор Ахмад-хана главой государства.

К сожалению, в востоковедной литературе до сих пор содержится крайне мало сведений о составе, структуре и роли разнородной прослойки мусульманских деятелей в период первых двух дурранийских шахов (1747 - 1793 гг.). Предлагаемая М. Гульдзоновым классификация иерархии мусульманского духовенства (сейиды, улемы, главы суфийских братств, "профессиональные" святые), которая по мнению автора сложилась после образования афганского государства, нам представляется не только условной, но и несколько искусственной, тем более, что ее вряд ли следует связывать с образованием империи Дуррани. Наоборот, и без того существующие относительные грани между названными в этой схеме категориями духовных лиц как раз в XVIII в. приобретали в данном регионе еще более расплывчатый характер.

1. Гульдзонов М. Положение духовенства и основные направления модернизации ислама в современном Афганистане. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1971, с. 24

К этому времени давно уже шел процесс сближения многих суфиев с "ортодоксальным" шариатом, часто встречались суфийские шейхи и "святые" в одном лице. Новых теоретических течений не возникало, а, напротив, существующие тогда религиозные теории и практически-культовые установки скорее девальвировались, смешивались друг с другом.

Наглядный пример представителя такого "синкретического" или "универсального" типа деятеля являл собой Факирулла. По происхождению он считался сейидом. Благодаря преподаванию различных общемусульманских и суфийских дисциплин, сопровождавшемуся наставнической деятельностью, он был признан одновременно авторитетным богословом и влиятельным шейхом. Его могилу, находящуюся в Шикарпуре, по-видимому, до сих пор чтут как мазар "святого".

Касаясь места духовных лиц в жизни Афганистана XVIII в., диссертант отмечает, что они здесь, как и в других областях мусульманского мира, пользовались рядом привилегий и большим духовным авторитетом. Нередко вокруг гробницы святого или суфийской обители вырастали селения. Зачастую духовные авторитеты выступали в роли покровителей городов, деревень, базаров, отдельных районов или племен. Афганские племена издавна предоставляли земли в качестве коллективного дара названным духовным лицам и, таким образом, многие из них обретали привилегированное положение. Так, в Герате вокруг суфийской обители к рассматриваемому в диссертации периоду сложился крупный хозяйственный и административный комплекс. По мере его развития тамошние суфии вынуждены были приобретать деловые и организаторские навыки, необходимые для поддержания разросшегося хозяйства. Таким образом, жизнь заставляла вчерашних аскетов активно включаться в мирские дела. Известно, что суфийские шейхи /причем не только в афгано-индийских областях/ нередко имели тысячи последователей, во многом пользовались доверием феодальных правителей, которые подчас также считали себя их учениками /муридами/, и при всем этом шейхи могли опираться на владение значительными земельными участками или иного рода имуществом.

Далее в работе приводятся сведения о Белуджистане и Синде, двух областях империи Дуррани, с правителями которых был связан Факирулла. По сообщению афганского историка А. Хабиби, он добился того, чтобы эти правители отправили свои отряды в помощь

войска Ахмад-шаха для участия в битве у Панипата¹. Однако, основанное на этом утверждение афганских ученых о том, что Факирулла во время подготовки известной Панипатской битвы против маратхов в 1761 г. энергично содействовал сплочению местных сил вокруг афганского шаха, нуждается в более убедительных фактических подтверждениях.

Факирулла тогда уже жил в Синде, где местная власть находилась в руках династии Кальхоров, считавшихся родом "святых". Не исключено, что Кальхоры были суфиями или, во всяком случае, находились под влиянием суфийских деятелей. Известно, что в период их правления процветала суфийская поэзия в Синде. Имеются сведения о связях Факируллы с этой династией в лице Мьяна Сарфараз-хана, который в 1771 г. унаследовал управление Синдом.

К сожалению, не удалось обнаружить более определенных данных об уже существовавших в рассматриваемых областях суфийских тарикатах, тем более о влиянии, которое эти религиозные объединения оказывали на общественную жизнь как в афганском государстве XVIII в. в целом, так и в подчиненной ему области Синд. Например, город Шикарпур, т.е. крупный торгово-ремесленный центр северного Синда, где приблизительно с 1738 г. обосновался Факирулла, в монографии С.А.А.Ризви об истории индийского суфизма² ни разу не упомянут. Тем не менее, можно предполагать, что Шикарпур как верный финансовый партнер афганского шаха мог материально поддерживать Факируллу и его сподвижников после достижения соответствующей договоренности с купеческими и ремесленными кругами города. Зедь известно, что на мусульманском Востоке в городах немалая часть духовных вождей непосредственно занималась торговлей. Кроме того, в религиозно-духовном плане Факирулле предположительно покровительствовала местная правящая династия "святых" Кальхоров.

1. Хабиби³ А. Мийа Факируллах Джалалябади - Сариф, данишманд ва му'алиф-и Саср-и абдали. - Ашнайи ба Мийа Факируллах Джалалябади. - Ивандун. Кабул, 1359/1981, с.8.

2. Rizvi S.A.A. A History of Sufism in India. Vol.2 - From sixteenth century to modern century. New Delhi, 1983, ср. индекс.

Во второй главе "Жизнь и деятельность Факируллы" излагаются доступные нам данные об имени, происхождении и жизненном пути суфия. Составлен критический список принадлежащих или приписываемых суфию произведений.

Сочинения Факируллы содержат крайне скудные, и к тому же противоречивые сведения их автора о самом себе. В связи с этим мы встречаемся с большим количеством различных вариантов его имени. В диссертации приводятся все имена, под которыми суфий упоминается в источниках. По мнению диссертанта было бы наиболее корректным называть его Факирулла Джалалябади и/или Шикарпури, или коротко Факирулла /в современной традиции Афганистана он упоминается чаще всего как Мия Факирулла Джалалябади/.

Вопрос о том, где и когда Факирулла родился, тоже нуждается в дальнейших разысканиях. Возможно, что он родом из местности вблизи исторической крепости Рутас, которая была расположена недалеко от реки Джелам, точнее в 12 милях к северу от одноименного города Джелам, который в настоящее время находится на территории Пакистана, недалеко от границы с Индией. Существует, однако, и мнение о том, что Факирулла родился в местечке Хисарак-и Хасс к югу от Джалалябада, центра афганской провинции Нангархар.

Что касается социального статуса суфия, то его вероятное сейидское происхождение и его роль как основателя суфийской обители с медресе и библиотекой в Шикарпуре позволяют предположить, что суфий стал представителем среднего, если не высшего сословия духовных лиц. В пользу этому говорит и тот факт, что Факирулла поддерживал контакты как минимум с 43 видными религиозными и политическими деятелями.

Хотя афганские исследователи считают, что Факирулла по национальности был паштуном, кроме того факта, что он писал на языке пашто, по этому поводу не существует никаких данных.

О жизненном пути Факируллы имеются следующие сведения. По мнению А.Хабиби он родился не позднее 1100/1689 года¹. Следующая достоверная дата в его биографии - 6 августа 1738 г., когда был завершен сборник стихов "Полезные/ Указания Факируллы" /Фавва'id-и Факираллах/ на языке пашто.

1. Хабиби³ А. Дэ Мийа Факируллах пехандлик. Кабул, 1359/1981, с.1

Из письма, адресованного Махдуму Мохаммаду Моину Таттави, известному синдскому наставнику, явствует, что весть об убийстве Надир-шаха Афшара /1747 г./ дошла и до Факируллы. Судя по этому посланию, в котором содержится достаточно самоуверенный ответ, данный, по всей вероятности, в неспокойный переходный период между убийством иранского правителя в июне и выбором Ахмад-хана шахом новой державы Дуррани в октябре 1747 г., можно предположить, что к этому времени Факирулла уже давно стал влиятельным суфием, которому не только подчинялись мюриды, но у которого просили совета и "коллеги-наставники".

Следующий достоверный эпизод из жизни суфия — прибытие в Медину в 1749 г. У гробницы Пророка Факирулла прочитал касыду. Здесь же, по его словам, ему пришло откровение, в соответствии с которым он через посредство представителей рода брагуев, проживших в белуджском городе Калат, должен был избавить белуджей, живущих вдоль реки Кеч в Макране, от гнусной веры /к сожалению, не сообщается никаких подробностей об этой вере/ и обратить их в ислам. Это он, видимо, и сделал, возвращаясь из паломничества через порт Гвадар, довольно близко расположенный от названного Макранского региона. Таким образом выясняется, что Факирулла, подобно другим суфиям, занимался миссионерской деятельностью.

Мохаммад Масуд Пешавари, наставник Факируллы, в обращении к некоему Абдуррашиду, сопроводившему суфия на упомянутом хадже, довольно высоко отзывался о своем подопечном. Однако, пока трудно оценить, насколько высокая оценка его муршида соответствовала действительно большому общественному авторитету Факируллы. С другой стороны, тот факт, что Факирулла состоял в переписке с первым дурранийским шахом и его ближайшим окружением, свидетельствует о немалом уважении по отношению к нему. Мы не знаем, встречался ли Ахмад-шах лично с Факируллой, но, четыре письма суфия адресованы главе афганского государства. В диссертации вкратце характеризуется содержание этих писем, из которых, в частности, выясняется, что Факирулла уверял государя в том, что он благодаря харизме как мистик, при любых обстоятельствах, без преград и ограничений, будет знать потребности и желания правителя и верно ему служить. Кроме того, шах и наставник были единодушны в своем стремлении дальше распространять ислам и мусульманские науки.

Из другого послания Факируллы, адресованного Сулайману, сыну Ахмад-шаха, явствует, что, во-первых, суфий имел семью и, во-вторых, вероятно, его постоянно окружали мюриды. Кроме того, он пребывал не только в Шикарпуре, но и в недалеко расположенном Суккуре, куда он поселил свою семью. Не исключено также, что суфий открыл там нечто вроде "филиала" ханаки для своей наставнической деятельности.

Шейх состоял также в переписке с местными правителями Синда и Белуджистана. Как и в случае с представителями центральной власти, Факирулла в своих письмах затрагивал не только вопросы веры. В послании Сарфараз-хану, например, суфий в своем ответе дипломатично обосновал свой отказ от материальной поддержки и сообщает, что на этот раз решил вернуть крупную сумму присланных ему денег. Таким образом, можно констатировать, что Факирулла получал материальную помощь, возможно регулярную, от тогдашних правителей, что свидетельствует о взаимной заинтересованности.

Точная датировка строительства религиозных учреждений суфия в Шикарпуре неизвестна. Известно, однако, что в созданном Факируллой медресе велись занятия по языкам, мусульманскому богословию, а также по логике и медицине. Факирулла не противопоставлял себя "ортодоксальному" учению ислама, а настойчиво рассматривал шариат и мусульманские науки как "предисловие" к суфийскому познанию бога. В Шикарпуре по сей день сохранились сооружения Факируллы и местное население чтит его мазар. По сообщению А. Хабиби суфий какое-то время учился и, возможно, также преподавал в Кандагаре, где до сих пор известна мечеть, которая носит его имя. Однако, точного названия мечети ученый, к сожалению, не приводит¹.

29 января 1781 г. Факирулла скончался и был похоронен в Шикарпуре. Цепь потомков суфия прослеживается до Мира Али Наваза Алави, который умер в 1920 году.

В конце главы дается обзор имеющихся сведений о принадлежащих или приписываемых Факирулле сочинениях. Собранный материал позволил составить список свыше 20 произведений с кратким указанием их содержания. Точная датировка этих трудов пока

1. Хабиби С.А. Шайх Факируллах Хисраки Джамалябиди. — Хрийана. Кабул, 1346/1968, сәл-и XXVI, н.1, с.4,8.

неизвестна. Можно лишь предположить, что его трактат собщающего характера "Путь наставления" /Тарик ал-иршад/ был составлен к концу жизни. Помимо арабского и персидского языков Факирулла в ряде своих сочинений пользовался языками пашто и панджаби.

Использование местных языков, судя по его собственным словам, нужно было, чтобы повлиять на "широкий мир", т.е. на живущее вокруг него большинство людей, которым недопустимы были языки "мусульманского научного мира".

Заглавия сочинений суфия свидетельствуют о том, что он в своих трудах не занимался лишь одним "чистым" мистицизмом, а уделял также внимание таким областям общемусульманского наследия как Корану, хадисам и принципам мусульманского права. Помимо этого он затрагивал в своих сочинениях некоторые вопросы традиционной медицины: применение различных лекарств, употребление с лечебной целью молитвенных формул /заклинаний, амулетов, талисманов/.

В третьей главе "К определению места Факируллы в рамках мусульманского мистицизма" рассматривается, во-первых, вопрос о его принадлежности к одному или нескольким тарикатам и, во-вторых, излагаются некоторые элементы учения братства накшбандийа, встречающиеся в изложении Факируллы и сопоставляемые диссертантом с высказываниями более ранних представителей этого тариката.

После краткого экскурса в эволюцию суфийского термина "тарикат", который помимо своего первоначального содержания /практический метод наставника/ впоследствии как "братство" включил в себя, во-первых, целую систему мистических понятий и практических установок, во-вторых, единство духовной генеалогии /силсила/, на которую опирается эта система, и, в-третьих, общую структуру, организующую братство, даются сведения о развитии тариката накшбандийа. Упоминаются видные руководители этого братства /Мусуф ал-Хамадани, Абдулхалик ал-Гудждувани, Бахауддин Накшбанд, Ходжа Ахрар/. Представители накшбандийа, как правило, отличались особой политической активностью, руководствуясь прагматическим кредо тариката: "Чтобы служить миру, нужно иметь политическую власть".

Поскольку современные афганские исследователи утверждают, что Факирулла был одним из шейхов накшбандийа, а, точнее, его

индийской ветви муджадидийа, вкратце также освещается ход проникновения братства в Индию. Здесь его самым знаменитым представителем стал Ахмад Кабули Сирхинди /1564 - 1624 гг./, известный под прозвищем "обновителя второго тысячелетия" /муджадид-и алф-и сани/. Разные линии тариката /индийская, арабская, турецкая, суматрийская/, которые восходят к "обновителю", впоследствии стали называться накшбандийа-муджадидийа. Помимо Ахмада Сирхинди наибольшую социально-политическую активность в рамках индийской муджадидийа проявил Шах Валиулла Дехлеви /1703 - 1762 гг./. В частности, именно он привлек Факируллу в упомянутую уже подготовку Панипатской битвы.

Рассматривается вопрос о принадлежности Факируллы к названному или другим тарикатам. По собственному утверждению, Факирулла имел божественное разрешение на обучение и распространение /иджаза/ достаточно большого количества /33!/ тарикатов. Это, скорее всего, было связано с тем, что суфий, как и другие муршиды позднего средневековья, стремился придать себе облик "универсального" передатчика накопившегося до него широкого общемусульманского и суфийского наследия. И хотя Факирулла в перечне своих 33 тарикатов не упоминает муджадидийа /упоминается только накшбандийа/, в дальнейшем приводимые в работе факты говорят в пользу того, что его все же можно причислить к членам индийской линии накшбандийа-муджадидийа.

Касаясь достижения бога /вусул/ - последнего шага мистического странствия /сулук/ - Факирулла, ссылаясь на Бахауддина Накшбанди, заявляет, что существует три метода или пути /тарик/ достижения этой конечной цели: 1. ПРИВЯЗАННОСТЬ К ШЕЙХУ-НАСТАВНИКУ /рабита-йи шайх/, 2. ПОМИНАНИЕ БОГА /зикр/ и 3. процесс НАБЛЮДЕНИЯ /мурбаба/. В диссертации они подробно и детально описаны. Отметим лишь здесь этическую и социальную значимость этих психотехнических приемов.

Концепция ПРИВЯЗАННОСТИ К ШЕЙХУ /рабита-йи шайх/, т.е. включения наставника в качестве посреднического звена в процесс сближения с богом, далеко не впервые встречающаяся у Факируллы, во-первых, служила удобным средством повышения авторитета муршида у своих послушников. Во-вторых, шейх-наставник, подобно мусульманскому "святому", сокращал то значитель-

ное расстояние между человеком и богом, которое существовало в "ортодоксальных" учениях богословов. И, в-третьих, привязанность к шейху не только сохраняла институт "учитель - ученик", эту важную основу тариقات, без которой ни один из них вообще не мог бы существовать, и не мог бы, в частности, продолжать цепь духовной генеалогии /силсила/. Это посредничество, как важный социально-политический момент этого института, также таило в себе опасность произвола и злоупотреблений; мюриды - особенно в более поздние периоды истории суфизма /с XV в./ - могли оказаться полностью подчиненными воле своего шейха.

Что касается ПОМИНАНИЯ БОГА /зикр/, то его цель заключается в преодолении духовных потрясений или греховных отвлечений от бога. Это могут быть расстройства либо внешнего характера /например, излишний интерес к словам и мнениям людей/, либо внутреннего характера, в частности, чрезмерный голод, гнев, боль, непомерная сытость и т.п. Такие "проступки" /гунаҳхā/ в конечном итоге вызывают потребность в зикре. При его описании Факирулла достаточно подробно останавливается на технике /очевидно индийского происхождения/ "удержания дыхания" /хабс-и нафас, хабс-и дам/. Она, в свою очередь, не только должна применяться при зикре, а с ее помощью мистик в самых разных ситуациях жизни в нужный момент может уйти в себя и соблюсти должную меру во всем.

На примере понятия НАБЛЮДЕНИЯ /муракаба/ иллюстрируется типичная для суфизма трансформация значения термина и использование его многозначности. Со временем термин муракаба приобрел двойное значение: суфий, со своей стороны, всегда должен наблюдать над собой или - а скорее одновременно - остерегаться /и то и другое: муракаба!/, сознавал, что бог, со своей стороны, как "хранитель и наблюдатель" /ракиб/ все время следит за ним, наблюдает за ним /тоже: муракаба/. Факирулла говорит о муракабе, очевидно имея в виду такую удобную для мистика обобщенность, как о самом благородном способе достижения бога.

Менее подробно у Факируллы изложены II "священных слов" /калимāt-и кудсийа/. Эти постулаты, которые затрагивают как различные практические приемы /ашгāl/, так и аллегорические намеки или советы /ишārāt/ к ним, составляют основу тариката. Речь идет о следующих принципах:

1. СОСРЕДОТОЧЕННОСТЬ ПРИ ДЫХАНИИ /хӯш дар дам/, 2. ВЗГЛЯД ПОД НОГИ /назар бар кадам/, 3. ПУТЕШЕСТВИЕ ПО "РОДИНЕ" или ВНУТРЕННЕЕ МИСТИЧЕСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ /сафар дар ватан/, 4. ОДИНОЧЕСТВО СРЕДИ ЛЮДЕЙ /халват дар анджуман/, 5. ПОМИНАНИЕ или СОВЕРШЕНИЕ ПОМИНАНИЙ /йадкард/, 6. ПОСТОЯННОЕ /ВОЗВРАЩЕНИЕ /бāзгашт/, 7. БДИТЕЛЬНОСТЬ /нигāхдāшт/, 8. СОХРАНЕНИЕ В ПАМЯТИ /йādдāшт/, 9. ОСВЕДОМЛЕННОСТЬ ВО ВРЕМЕНИ /вуқӯф-и замāн/, 10. ОСВЕДОМЛЕННОСТЬ В ЧИСЛЕ /вуқӯф-и садади/ и 11. ОСВЕДОМЛЕННОСТЬ В СЕРДЦЕ /вуқӯф-и калой/.

В диссертации дается характеристика каждого из перечисленных постулатов в техническом и нравственно-этическом аспектах. В частности, подчеркивается, что принцип ОДИНОЧЕСТВА СРЕДИ ЛЮДЕЙ как важнейший постулат тариката как бы санкционировал двойную жизнь; он обеспечивал членам братства возможность выполнять свои эзотерически-духовные обязанности как мистиков при одновременной интеграции во "внешние" сферы жизни /экономика, политика и т.д./.

В заключении подводятся некоторые итоги изложенному и высказываются соображения диссертанта по поводу дальнейшего изучения наследия Факируллы, в частности, и мусульманского мистицизма как социального явления, в целом. Обращается внимание на то, что суфизм следует рассматривать как относительно единое, но в одно и то же время исторически всегда конкретное и многообразное явление. Поэтому встречающиеся в специальной литературе споры о том, существует ли он вообще как таковой, и если да, играл ли он "прогрессивную" или "реакционную" роль в истории человечества, а также диспуты о том, является ли тасаввуф чисто мусульманским явлением или же он порожден - отчасти или полностью - мистической мыслью одной или нескольких "чужих" религиозно-философских систем, представляются методологически не вполне адекватными.

На данном этапе исследования можно утверждать, что Факирулла как представитель "синкретического и эклектичного" позднего суфизма в афганско-индийских областях, действительно, был распространителем религиозно-мистических воззрений совершенно разного уровня и смешанного характера. Помимо этого, он подвергался воздействию немусульманских традиций, которые заслуживают отдельного рассмотрения.

При жизни суфия в данном регионе не наблюдается движений

социального протеста в рамках суфизма. Факирулла, очевидно, принадлежал к тем духовным лицам, которые не противопоставляли себя существующим общественным порядкам. Он не только пользовался неограниченным духовным авторитетом среди своих муридов; его также уважали представители властей, с которыми он состоял в переписке. Это, видимо, и позволило ему обосноваться в Шикарпуре и основать свои религиозные учреждения.

Своей наставнической деятельностью и написанием ряда трактатов, включая сочинения на местных языках, Факирулла выполнял функцию популяризатора мусульманской традиции, в частности, наследия учения накшбандийа. Кроме того, его, подобно многим другим суфиям, "чудотворцам" и "святим", отличала миссионерская активность, которую он вел среди белуджей. Суфий находился в этом вопросе в полном единодушии с центральной властью, которая тогда проводила политику усиленного распространения ислама как консолидирующей силы, необходимой для сплочения разнородной империи Дуррани.

На данном этапе еще рано давать взвешенную и всеобъемлющую оценку Факирулле, духовному руководителю, которому в последние годы в Афганистане уделяют довольно большое внимание. Как и подавляющее большинство его современников он вряд ли принадлежит к числу тех оригинальных мыслителей мусульманского мира, которые нам известны из более ранней истории ислама.

Так или иначе, изучение деятельности и творчества Факируллы для понимания роли суфизма в конкретно-исторической обстановке Афганистана XVIII в. представляет собой достаточно большой научный интерес.

Приложение содержит перечень суфийских терминов, встречающихся в диссертации.

Подписано к печати 20.04.90.

Заказ 184 Тираж 100 Объем I п.л.

Бесплатно ПМЛ ЛГУ

199034, Ленинград, наб. Макарова, 6.